

Воспоминаніе о покойномъ академикѣ Левѣ Степановичѣ г. Игоревѣ.

29-го минувшаго декабря въ Саратовѣ скончался С.-Петербургской академіи художествъ академикъ Левъ Степановичъ Игоревъ, сынъ священника Кузнецкаго уѣзда, с. Камаровки. Левъ Степановичъ окончилъ курсъ въ Саратовской духовной семинаріи въ 1844 году, тогда-же получилъ было священническое мѣсто и приискалъ себѣ невѣсту, но страсть къ живописи увлекла его продолжать излюбленное имъ живописное художество, искать средствъ къ дальнѣйшему образованію себя въ живописномъ искусствѣ и отказаться отъ поступленія во священника. У отца Льва Степановича, Степана Игорева, служившаго тогда въ бѣдномъ приходѣ и содержавшаго свое семейство почти однимъ своимъ слесарнымъ ремесломъ, было шесть сыновей и пять дочерей; изъ этихъ дѣтей только три дочери находились тогда, т. е. къ 1844 году, въ замужествѣ за причетниками, остальные же всѣ дѣти были не пристроены, и бѣдный отецъ не имѣлъ средствъ къ содержанію своего сына въ С.-Петербургѣ для образованія въ Академіи Художествъ. Это все знали покойные—Преосвященный Іаковъ, впоследствии Архіепископъ Нижегородскій, и мн. Архимандритъ Гавріилъ, ректоръ Саратовскаго духовнаго училища, и рѣшились помочь Леву Степановичу въ достиженіи желанной имъ цѣли: о. Гавріилъ упросилъ отправлявшагося въ С.-Петербургъ по своимъ дѣламъ знакомаго помещика взять съ собою туда и Льва Степановича, а владыка Іаковъ снабдилъ его отъ себя на проѣздъ и первоначальное содержаніе средствами, но главное—эти трое благодѣтелей успѣли чрезъ добрыхъ людей исполнотать Леву Степановичу временную должность при С.-Петербургской духовной семинаріи надзирателя, учителемъ рисованія тогда служилъ здѣсь извѣстный академикъ Солнцевъ. Г. Солнцевъ сдѣлался также покровителемъ Иго-

рева, черезъ годъ по прїѣздѣ его въ С.-Петербургъ, то исключилъ ему право обучаться въ Академіи художествъ и былъ его руководителемъ. Одного изъ добрыхъ знакомыхъ въ Петербургѣ, Игорева, извѣстенъ онамъ во всемъ продолженіе обученія его въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Саратовской епархіи. Мы вмѣстѣ съ нимъ учились въ Петровскомъ духовномъ училищѣ, послѣдніе три года жили здѣсь въ бурсѣ и вмѣстѣ раздѣляли дѣтскія и радости и горе. Тогда онъ былъ мальчикъ красивый, постоянно веселый, ласковый и симпатичный, товарищи всѣ его любили. Еще тогда же (въ періодъ 1837--1838 годовъ) онъ занимался рисованіемъ карикатурокъ на смѣшныя случаи, или на своихъ товарищей; чѣмъ иногда радовалъ, а иногда и подсаждалъ намъ. Во всѣхъ ребяческихъ играхъ онъ всегда стоялъ во главѣ своихъ товарищей и всѣмъ старался угодить. Онъ имѣлъ характеръ добрый, избѣгалъ всякихъ обидъ и ссоръ съ товарищами и былъ всегда терпѣливъ и благодушенъ, когда его обижали другіе. Точно такимъ же онъ оставался навсегда. Кто знакомился съ нимъ, тотъ уже никогда о сѣмъ не разставался и не могъ не любить его. И въ училищѣ и въ семинаріи, въ которую онъ поступилъ въ 1838 году, Левъ Степановичъ былъ хорошій церковный чтець и пѣвецъ, знавшій хорошо церковную ноту. Въ семинаріи онъ содержался на скудные средства своего отца и жилъ на квартирѣ, вмѣстѣ съ подобными себѣ бѣднаго состоянія товарищами. Къ этому надобно прибавить, что онъ былъ съ самаго дѣтства очень набоженъ и оставался во всю свою жизнь истиннымъ христіаниномъ православнымъ и вѣрующимъ.

Если Левъ Степановичъ терпѣлъ нужду въ годы обученія его въ училищѣ и семинаріи, то жизнь его была очень нелегка и во время его занятій въ Академіи. Академія художествъ находится отъ духовной семинаріи на разстояніи около пяти верстъ; столъ онъ имѣлъ общій съ се-

минаристами, но у него не было ни теплой одежды, ни порядочной обуви, да и пятиверстное пространство до академіи каждодневно, въ зимній холодъ, онъ долженъ было проходить въ холодной шинели. Въ несчастію его, скоро по отъѣздѣ его въ С.-Петербургъ, померли его родители, и чрезъ это онъ лишился и тѣхъ пособій, какія получалъ отъ своей родины. Левъ Степановичъ вспоминалъ всегда съ безконечною благодарностію о покойномъ митрополитѣ Московскомъ Леонтіи, такъ какъ въ періодъ 1844—1857 годовъ, онъ Леонтіи служилъ профессоромъ и инспекторомъ С.-Петербургской духовной семинаріи, ободрялъ Игорева своимъ ласковымъ и дружескимъ обращеніемъ съ нимъ, а иногда помогалъ ему и въ матеріальномъ отношеніи. Игорьевъ изучалъ преимущественно иконописное искусство, однакожь, и чрезъ четыре года по поступленіи своемъ въ академію, получилъ званіе свободного художника и затѣмъ въскорѣ академикомъ за портретное живописное искусство, что по присужденію Совѣта академіи. Въ августѣ 1850 года Левъ Степановичъ работалъ самостоятельно, получалъ заказы для иконъ въ разные города Вологодской и Костромской епархій и занималъ уже приличную квартиру. Въ Петербургѣ Богъ х привелъ ему снова увидѣть и потомъ похоронить своего благодѣтеля и преосвященнаго Іакова, тогда архіепископа Нижегородскаго и Арзамасскаго, вызваннаго для служенія въ Святѣйшій Синодъ. По кончинѣ Іакова, Игорьевъ снималъ съ него портретъ, чего во время своей жизни этотъ владыка никому изъ художниковъ не дозволялъ дѣлать. Куда поступилъ портретъ Игорева, снятый съ умершаго преосвященнаго Іакова, — я не узналъ въ свое время, только извѣстно, что съ этого благочестиваго владыки не осталось вѣрныхъ живописныхъ портретовъ ни въ Саратовѣ, ни въ Нижнемъ-Новгородѣ. Лучшій и самый вѣрный съ Іакова портретъ имѣется въ Саратовѣ во многихъ домахъ гражданъ — литографическій,

снятый Игоревымъ во время одного посѣщенія Іаковомъ Саратовской духовной семинаріи въ 1843 году. Помнится намъ, что Игоревъ, по какому то вдохновенію, написалъ этотъ первый портретъ карандашомъ и тупшоу. Владыка на то время замедлилъ у насъ въ семинаріи и стоялъ долго среди класса, опершись на свою трость и спрашивая учениковъ по богословскому предмету. Левъ Игоревъ, сидя на послѣдней партѣ, успѣлъ тогда изобразить его на бѣлой бумагѣ въ этомъ самомъ видѣ. По уходѣ преосвященнаго изъ класса, Игоревъ показалъ намъ—товарищамъ свой рисунокъ, и мы всѣ были удивлены поразительнымъ сходствомъ его рисунка съ оригиналомъ. Этотъ то рисунокъ послѣ отлитографированъ былъ Игоревымъ уже въ Петербургѣ.

Послѣ 1856 года Игоревъ былъ командированъ въ Китай при Пекинской духовной миссіи. По случаю происходившей въ то время англо-французской войны съ Китаемъ, члены нашей духовной миссіи, а съ нею и Игоревъ, ожидая окончанія войны, прожили цѣлый годъ въ г. Иркутскѣ, гдѣ Игоревъ писалъ портретъ съ знаменитаго посланника нашего въ Китай, Муравьева (Амурскаго). Изъ Иркутска миссія отправилась въ Пекинъ уже въ половинѣ 1858 г. Здѣсь Левъ Степановичъ прожилъ пять лѣтъ, написалъ иконы для иконостаса церкви русской слободы, находящейся близъ Пекина ознакомился со многими знатными китайцамъ и по желанію ихъ снималъ съ нѣкоторыхъ изъ нихъ портреты. Между прочимъ, въ 1863 году, по распоряженію русскаго посланника въ Пекинъ, Левъ Степановичъ былъ посылаемъ на англійскомъ пароходѣ въ Шангай съ депешою къ русскому адмиралу Попову, совершивъ при этомъ болѣе нежели тысячеверстный морской путь. Капитанъ англійскаго парохода не зналъ русскаго, а я англійскаго языка, — и тутъ то мнѣ нѣсколько пригодился изучавшійся нами въ семинаріи латинскій языкъ: на латинскомъ языкѣ мы только

и объяснялись во время пути съ г. капитаномъ и офицерами“, говорилъ намъ Левъ Степановичъ. Въ 1863 году, вмѣстѣ съ прежнею духовною миссіей, Левъ Степановичъ возвратился изъ Китая въ Петербургъ выслуживъ себѣ ежегодную пенсію въ 400 руб. Здѣсь приписался къ Петербургскому живописному цеху, предался особеннымъ трудамъ по своему ремеслу и благотвореніямъ для своихъ родственниковъ: у него было довольно заказовъ на его работы и въ тоже время одинъ за другимъ стали являться къ нему за помощью бѣдные его сродники; сестры его всѣ жили бѣдно—три вдовами, а три послѣдніе брата уже померли, оставивъ послѣ себя сиротъ. Для родныхъ онъ былъ почти единственнымъ кормильцемъ. Къ нему же въ 1878 году былъ высланъ добрыми людьми изъ Сибири, гдѣ состоялъ на гражданской службѣ меньшей его братъ, восьмилѣтній круглый сирота, сынъ послѣдняго. Этого мальчика Левъ Степановичъ воспиталъ въ одномъ частномъ пансіонѣ и опредѣлилъ на службу. У него же жили два сына четвертой его сестры Марьи Степановны Лебедевой, изъ коихъ одинъ, по окончаніи курса въ С.-Петербургской духовной семинаріи теперь священникомъ въ Сердобскомъ уѣздѣ, другой—изъ академіи художествъ вышелъ хорошимъ архитекторомъ. Но Левъ Степановичъ не отказывался дѣлать добро и постороннимъ. Онъ принялъ къ себѣ сына Саратовскаго цеховаго Сергѣя Игнатьевича Журавлева—Фирса Сергѣевича, и на первыхъ порахъ, руководилъ Журавлева и покровительствовалъ ему въ достиженіи цѣлей; г. Журавлевъ, какъ это въ Саратовѣ не безизвѣстно, отъ С.-Петербургской академіи художествъ имѣетъ теперь званіе академика и только за нѣсколько лѣтъ предъ симъ былъ здѣсь съ выставкою своихъ картинъ и картинъ другихъ знаменитыхъ художниковъ. Здоровье Льва Степановича начало слабѣть еще съ 1870 года; онъ страдалъ ревматизмами и два года лечился на Столыпинскихъ минеральныхъ водахъ, а за десять

лѣтъ тому назадъ ему стало измѣнять зрѣніе, такъ что въ послѣдніе годы онъ уже работалъ съ трудомъ.

Въ Саратовѣ имѣются иконы работы Игорева въ церквахъ: новой семинаріи цѣлаго иконостаса, въ Покровской, что на горахъ, — иконы обоихъ боковыхъ иконостасовъ, въ Вознесенской горянской церкви — двѣ иконы на горнихъ мѣстахъ обоихъ предѣловъ и икона на горнемъ же мѣстѣ церкви Саратовскаго духовнаго училища.

За два года до своей кончины Левъ Степановичъ перѣхалъ въ Саратовъ и жилъ здѣсь съ двумя своими сестрами — вдовами, занимая самую скромную квартиру и содержась почти одною пенсіею. Въ іюль 1893 года онъ ѣздилъ за 40 верстъ отъ Саратова, хоронить любимую свою сестру Марью Степановну Лебедеву. Это обстоятельство потрясло слабое его здоровье очень замѣтно для насъ, а когда онъ возвратился изъ вторичной своей поѣздки туда же послѣ 40 дня ея кончины, съ 5 на 6 минувшаго сентября — съ нимъ послѣдовалъ апоплексическій ударъ, и съ этого времени, до своей смерти, Левъ Степановичъ уже не поднимался съ постели. Онъ умеръ въ 8 час. утра 29 декабря 1893 года, а 31 декабря, по совершеніи надъ нимъ погребенія въ Саратовской Рождество-Богородицкой церкви похороненъ на кладбищѣ Саратовскаго Спасо-Преображенскаго монастыря. Левъ Степановичъ не былъ женатъ, умеръ 72 лѣтъ, никакого капитала, кромѣ нѣсколькихъ картинъ и скромной виѣшней обстановки квартиры, послѣ себя не оставилъ.